

УФИМСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

* ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ *
ВЪ РЕДАКЦІИ СИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
ПРИ УФИМСКОМЪ ДУХОВНОМЪ
УЧИЛИЩѢ. *

* ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ *
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ,
5 РУБ. 50 КОП. *

№ 16 1885 15 АВГУСТА.

Г О Д Ъ С Е Д Ъ М О Й.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ,
ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 17-го декабря—8-го июля 1884—85 года за № 2771, по дѣлу о признаніи незаконнымъ и недѣйствительнымъ брака лица, осужденнаго на всегдашнее безбрачіе.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: а) представленныя однимъ изъ преосвященныхъ дѣло и рѣшеніе епархіальнаго начальства о признаніи незаконнымъ и недѣйствительнымъ брака лица, осужденнаго по рѣшенію духовнаго суда православнаго исповѣданія на всегдашнее безбрачіе, и б) предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 10-го мая сего года за № 2227, по сему предмету. Приказали: По означенному дѣлу епархіальное начальство постановило: на основаніи 37 и 38

ст. X т., 1 ч. Св. зак. гражд. изд. 1857 г., бракъ лица, вступившаго въ оный послѣ осужденія на всегдашнее безбрачіе, признавъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ и, на основаніи 1011, 1013 и 1015 ст. уст. угол. суд. 1864 г., препроводить дѣло къ прокурору мѣстнаго окружнаго суда на подлежащее разсмотрѣніе. Рѣшеніе это приведено въ исполненіе и затѣмъ по возвращеніи прокуроромъ въ консисторію того дѣла епархіальное начальство опредѣлило: дѣло о незаконности и недѣйствительности изъясненнаго брака, согласно 215 ст. уст. дух. конс., представить, вмѣстѣ съ производствомъ консисторіи, на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода. Преосвященный, утвердивъ это рѣшеніе, представилъ оное Святѣйшему Синоду на усмотрѣніе. Сообразивъ вышеизложенное съ законами и принимая во вниманіе, что: а) на основаніи ст. 626 зак. о судопр. и взыск. гражд. ч. 2, т. X свода изд. 1876 г., всѣ рѣшенія епархіальнаго начальства о признаніи браковъ недѣйствительными, прежде обращенія оныхъ къ исполненію, должны быть представляемы на усмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода, и б) что по ст. 1015 уст. угол. суд., ч. 2, т. XV, свода изд. 1876 г., дѣла брачныя, въ коихъ уголовный судъ опредѣляетъ уголовную отвѣтственность подсудимыхъ, поступаютъ къ суду уголовному по окончаніи надъ виновными суда духовнаго и что по сему и дѣло о бракѣ лицъ, вступившихъ въ таковой послѣ осужденія ихъ на всегдашнее безбрачіе, должно было поступить въ судъ уголовный не прежде, какъ по окончаніи надъ виновными суда духовнаго, т. е. по утвержденіи Святѣйшимъ Синодомъ рѣшенія епархіальнаго начальства по сему дѣлу, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ: предписать епархіальному начальству, сдѣлавшему при производствѣ этого дѣла отступленіе отъ исполненія требованія означенной 626 ст., чтобы оно на будущее

время строго исполняло установленный закономъ для производства дѣлъ сего рода порядокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для устраненія повторяющихся и въ другихъ епархіяхъ случаевъ, подобно настоящему, неправильнаго направленія духовными консисторіями дѣлъ о бракахъ незаконныхъ и недѣйствительныхъ, дать знать объ изъясненномъ требованіи закона по духовному вѣдомству къ руководству и исполненію чрезъ припечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Отъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ о книгѣ А. Соколова.

Сочиненіе преподавателя серпуховской александровской прогимназіи Аѳанасія Соколова, подъ заглавіемъ: «Методика закона Божія. Для законоучителей народныхъ школъ» (изданіе 3-е, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ, 1884 года), Комитетъ положилъ допустить къ пріобрѣтенію въ бібліотеки начальныхъ училищъ (журналъ 22 мая 1885 года, № 175).

Означенное заключеніе Учебнаго Комитета утверждено г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода.

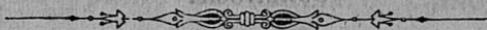
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Священническое мѣсто при богородицкой церкви села Суслова, бирскаго уѣзда, объявляется вакантнымъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ градо-уфимской сергіевской церкви, уфимскій мѣщанинъ Пегръ Михайловъ Вилковъ, по постановленію уфимской духовной консисторіи, состоявшемуся 24 іюля, утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ означенной церкви, на трехлѣтіе съ 1885 по 1888 годъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ петропавловской церкви села Касева, бирскаго уѣзда, открыто церковно-приходское попечительство, въ составъ котораго избраны: предсѣдателемъ крестьянинъ Аѳанасій Васильевъ Сальниковъ и членами 25 человекъ.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ троицкой церкви села Мелеуза, стерлитамакскаго уѣзда, открыто церковно-приходское попечительство, въ составъ котораго избраны: предсѣдателемъ купецъ Пареній Горшенинъ и членами 24 человекъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ.

ВЕСѢДА

Преосвященнаго Никанора, Епископа Херсонскаго и Одесскаго, на день тысячелѣтія памяти иже во святыхъ отца нашего Меѳодія, первоучителя словенскаго, 6-го апрѣля 1885 года.

Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога и Богъ бѣ Слово... И Слово плоть бысть, и вселися въ ны.

По божественному откровенію, разъясняемому толкованіями святыхъ отцевъ, на всемъ пространствѣ какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта, проявленій Слова Божія было много, цѣлый рядъ, да и до сихъ поръ они не прекращаются, по обѣтованію Господню: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка.* Въ особомъ смыслѣ можно назвать ихъ и воплощеніями, именно въ смыслѣ проявленій Божества въ ограниченныхъ формахъ, доступ-

ныхъ и ощущенію и представленію разумныхъ существъ, облеченныхъ плотію. Всѣ эти проявленія Слова Божія связаны съ главнымъ боговоплощеніемъ въ вочеловѣченіи, въ упостасномъ соединеніи божескаго и человѣческаго естествъ въ Богочеловѣкѣ Иисусѣ Христѣ. Однѣ связаны, какъ приготовленія, предвѣстія и прообразы кореннаго боговоплощенія, а другія, какъ его послѣдствія, тѣ и другія съ нимъ неразрывныя и близкородственные, до единства въ самомъ корнѣ.

Значеніе кореннаго боговоплощенія, въ вочеловѣченіи Бога Слова, св. апостоль Павелъ объясняетъ такъ, что Богъ Слово, будучи равнымъ Богу Его образомъ, умалило себя самого, принявъ видъ раба, и образомъ обрѣтется, якоже человѣкъ, не призрачный, а дѣйствительный. Значеніе же другихъ проявленій или воплощеній Бога Слова, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, можно обозначить такъ, что Богъ Слово является вообще въ ограниченныхъ образахъ, въ опредѣленныхъ формахъ и способахъ, какъ и орудіяхъ своего творческаго и промыслительнаго, искупительнаго и просвѣтительнаго дѣйствованія. А проявляясь въ ограниченныхъ чертахъ, способахъ и орудіяхъ, Богъ Слово умаляетъ свою божественную безграничность и проходитъ промыслительно-искупительное состояніе уничтоженія.

Такъ Богъ Слово стало умалять себя до посредничества, съ одной стороны между безпредѣльнымъ Божествомъ, а съ другой между ограниченою, а затѣмъ и повинною тварію, еще съ предвѣчнаго совѣта, еще прежде сложенія міра. Для самаго сложенія міра, какъ и для осуществленія каждой твари, потребовалось нѣкоторое самоограниченіе Божества, такъ какъ Богъ произвелъ все изъ ничего только въ томъ смыслѣ, что не имѣлъ никакого посторонняго отъ себя матеріала; въ существѣ же дѣла произвелъ все отъ себя, изъ своей творческой

воли и мысли, или идеи. Между тѣмъ мостъ между безграничною Божества и ограниченностію такъ непреходимъ, что неизмѣнному въ существѣ Божеству потребовалось низойти непостижимымъ образомъ до самоумаленія, до соприкосновенія съ ограниченою тварію, какъ и до нѣкотораго самозаключенія себя въ ней, такъ какъ вездѣсущій Богъ пребываетъ весь во всемъ. И это посредническое служеніе самоумаленія принялъ на себя именно Богъ Слово. Въ Бога Слово, какъ именно въ разумъ и слово Божіе, Богъ Отецъ вложилъ всю безпредѣльную необъятность своихъ творческихъ идей или образовъ, которые Богъ Слово и осуществило своимъ зиждительнымъ міро-образовательнымъ глаголомъ: да будетъ, да будетъ это, да будетъ то и другое и третье, и такъ безъ конца. При чемъ Творецъ положилъ разность тварей не столько въ существѣ ихъ, — такъ какъ въ существѣ своемъ всѣ твари суть едино, осуществленіе единой творческой воли, безъ всякаго сторонняго и разносторонняго матеріала, — сколько въ выраженной въ нихъ творческой идеѣ, въ данномъ имъ образѣ, или въ формѣ бытія. Такимъ образомъ творческое Божіе Слово, въ особомъ смыслѣ, воплотилось въ самомъ твореніи, отобразивъ себя въ каждой твари, какъ безконечно великое солнце въ малой каплѣ водѣ. Преимущественнымъ же образомъ творческое Слово отобразило себя на землѣ въ человѣкѣ, создавъ его по образу и по подобію своему, и вдунувъ въ него дыханіе жизни, само вселившись въ него особенно явственнымъ образомъ.

Оно же, Богъ Слово, и по сотвореніи человѣка, принявъ на себя посредничество промысленія объ искупленіи и спасеніи человѣка падшаго, — Оно же, по толкованію св. отцевъ, преимущественно предъ прочими лицами св. Троицы, обнаруживало и опредѣляло, а можно

сказать, нѣкоторымъ образомъ и воплощало себя, на всемъ протяженіи ветхаго завѣта, въ ограниченныхъ, особо ощутительныхъ проявленіяхъ своего хожденія между людьми и пребыванія въ нихъ, пребыванія особенно въ избранникахъ Божіихъ, какъ-то въ патріархахъ и пророкахъ, въ царяхъ и первосвященникахъ, какъ и во всѣхъ праведникахъ, которые и были прообразами имѣющаго вочеловѣчиться Бога Слова; нѣкоторымъ образомъ ограничивало и воплощало себя въ богоявленіяхъ и видѣніяхъ, какъ то въ видѣніи нестергаемой купины, или огненно-облачнаго надъ израильтянами столпа, въ видѣніи то Ангела завѣта, то Сына чоловѣческаго, Сына Божія; обозначало и воплощало себя въ многократныхъ непосредственныхъ бесѣдахъ съ людьми, то чрезъ внутреннее внушеніе чоловѣческому сознанію, какъ напр. во внутреннемъ озареніи пророковъ, то даже чрезъ вѣшніе членораздѣльные звуки, наприм. въ изреченіи десятословія съ Синая, то наконецъ въ письменномъ начертаніи своихъ божественныхъ словесъ, или посредственномъ, наприм. чрезъ Моисея, Давида и другихъ богодухновенныхъ мужей, или даже непосредственномъ, какъ напр. въ начертаніи своимъ божественнымъ перстомъ десятословія на каменныхъ скрижаляхъ. Все это были въ ветхомъ завѣтѣ ограниченныя воплощенія Бога Слова, проявленія Его въ болѣе или менѣе чувственныхъ чертахъ, символы и прообразы ново-завѣтнаго воплощенія Его въ Богочоловѣкѣ Іисусѣ Христѣ, въ которомъ опочила вся полнота Божества тѣлеснѣ.

Празднуя нынѣ день тысячелѣтія памяти иже во святыхъ отца нашего Меѳодія, архіепископа моравскаго, мы празднуемъ величайшее для славянскаго рода событіе. Святаго равноапостольнаго Меѳодія, какъ и равноапостольнаго брата его Кирилла, Промыслъ Божій употребилъ орудіемъ того, что Богъ Слово, еже искони бѣ

у Бога, Слово, вочеловѣчившееся для всего человѣческаго рода въ лицѣ Богочеловѣка Христа Иисуса, воплотилось и для словенскаго рода, особеннымъ частнѣйшимъ образомъ. Да, это было истинное, хотя и особаго рода воплощеніе Бога Слова для насъ, для Славянъ, для насъ русскихъ.

Славянскій родъ, разбитый на многія независимыя племена, распространенъ былъ отъ Морей на югъ до Новагорода и Ладого на сѣверѣ, отъ Москвы рѣки и устьевъ Дона на востокъ и до истоковъ Дуная и устья рѣки Лабы на западѣ. Изъ нихъ, не говоря о Славянахъ балканскихъ, подчинившихся вліянію православной Византіи, только юго-западные Славяне въ Панноніи, Моравіи и Богеміи принимали христіанство отъ латинянъ; остальные же все сидѣли пока въ странахъ сѣни смертной. Да и тѣ, которые приняли западное латинское христіанство, въ понятіяхъ своихъ о вѣрѣ и жизни христіанской, не многимъ чѣмъ стояли выше единоплеменныхъ язычниковъ, не понимая ни слова Божія, ни богослуженія христіанскаго, такъ какъ то и другое слышали не иначе, какъ на языкѣ латинскомъ, для нихъ вовсе непонятномъ. И когда Ростиславъ, князь моравскій, съ племянникомъ своимъ Святополкомъ и Коцеломъ, княземъ паннонскимъ, въ 862 году (въ годъ основанія русскаго государства), послѣ взаимныхъ совѣщаній между собою и съ своимъ народомъ, отправили къ греческому царю Михаилу общее посланіе слѣдующаго содержанія: «Народъ нашъ отвергся язычества и принялъ законъ христіанскій; но мы не имѣемъ такого учителя, который бы, на родномъ нашемъ языкѣ, открылъ намъ истинную вѣру христіанскую, чтобы и другія страны послѣдовали нашему примѣру»,—почему и просиль прислать къ нимъ такого епископа и учителя; и когда царь Михаилъ, послѣ совѣщаній по сему случаю

на соборъ, призвалъ на соборъ Кирилла философа и предложили ему съ братомъ Меѳодіемъ идти проповѣдывать слово Христово, равноапост. Кирилль изъявилъ готовность идти туда съ радостію, но если, — прибавилъ, — Славяне имѣють свою азбуку. А когда царь объявилъ, что такой азбуки нѣтъ, что ее искали дѣды его, отецъ и другіе (для Славянъ, жившихъ въ Греціи) и не нашли, св. Кирилль сказалъ: «а развѣ можетъ кто писать бесѣду на водѣ», — разумѣя, что учить безъ помощи письменнаго языка значило бы писать на водѣ. Но когда и на это царь возразилъ: «если ты захочешь имѣть буквы, то тебѣ не откажетъ въ этомъ Богъ, который подаетъ все просящимъ у Него несумнѣнно и отверзаетъ толкующимъ неотступно», — выслушавъ это разумное царское слово, св. Кирилль сталъ у себя на молитву, и по молитвѣ составилъ церковно-славянскую азбуку, при помощи которой и началъ переводить на славянскій языкъ евангеліе отъ Іоанна: *Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово.* А затѣмъ при помощи равноапостольнаго брата своего Меѳодія переложилъ на славянскій языкъ и прочія священныя, какъ и церковно-богослужебныя книги православной греко-восточной церкви. Значеніе этого великаго и благотворнаго открытія счастливо изобразилъ царь Михаилъ въ посланіи, съ которымъ отправилъ равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія къ моравскому князю Ростиславу, снабдивъ ихъ и разными дарами: «Богъ», — гласило царское посланіе, — «который повелѣваетъ всякому въ разумъ истины прийти, видя твою вѣру, открылъ въ наши лѣта буквы для вашего языка, дабы и вы причислились къ великимъ народамъ, прославляющимъ Бога на своемъ языкѣ. Того самаго святаго, благовѣрнаго, весьма книжнаго мужа и философа, которому Господь открылъ ихъ, мы и посылаемъ къ

тебѣ. Прими даръ, большій, честнѣйшій всякаго злата и сребра и каменія драгоцѣннаго и богатства проходящаго. Поспѣши, вмѣстѣ съ нимъ, утвердить основаніе вашей рѣчи и позаботься, чтобы каждый изъ васъ всѣмъ сердцемъ взыскалъ Бога.

Не велика вещь церковно славянская азбука. Но она оказалась подобною тому зерну горчичному, которому Господь уподобилъ царствіе небесное, которое малѣйшее всѣхъ зеренъ есть, но всѣянное въ землю и произраши становится великимъ древомъ, на вѣтвяхъ котораго витають многія птицы небесныя. Этого мало. Церковно-славянская азбука послужила орудіемъ передачи на славянскій языкъ писаннаго слова Божія, истолкованнаго вселенскими святыми отцами и учителями церковными, постигаемаго по духу древней, святой, апостольской, католической, православной церкви, вѣующему въ богослужебныхъ книгахъ, канонахъ и уставахъ этой церкви. А изложенное на родномъ намъ языкѣ, писанное и отпечатанное слово Божіе послужило, какъ и служить, для нашего славянскаго рода орудіемъ Промысла для вселенія Христа въ сердца наши и умы, для воплощенія Христа Сына и Слова Божія въ насъ самихъ. *И Слово плоть бысть и вселися въ ны, исполнь благодати и истины, и видѣхомъ славу Его, славу, яко единороднаго отъ Отца. И въ Немъ, Слово Божіемъ, была наша жизнь, и эта жизнь была свѣтомъ нашимъ, какъ и обратно, свѣтъ слова Божія сталъ нашею жизнію. И сей божественный свѣтъ засвѣтился, какъ и продолжаетъ свѣтитъ во тьмѣ и тьма не объяла его; не объяла тогда, во дни святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, нашихъ словенскихъ апостоловъ, не объяла и до днесь.*

О благотворности учиненнаго и впервые приложеннаго къ дѣлу святыми равноапостольными братьями

Кирилломъ и Меѳодіемъ изобрѣтенія церковно-славянской грамоты сказано и будетъ сегодня во всѣхъ концахъ Россіи сказано очень многое. Мы скажемъ одно.

Полу-вѣрующіе въ наше православіе, не понимая его силы, жалуются, будто оно полно внѣшнихъ формъ и обрядовыхъ предписаній, а лишено будто бы духа. И кажется имъ, будто они то именно и глядятъ въ глубь вещей, тогда какъ они скользятъ взоромъ только по поверхности вещей. Выше было намѣчено нами философское положеніе, что такъ называемая форма гораздо важнѣе для бытія вещей, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, что форма даетъ бытіе вещи. Выше мы сказали, что творческое Слово, создавъ всѣ твари изъ единой основы, изъ ничего, какъ основы отрицательной, и изъ единой творческой воли и мысли или идеи, какъ основы положительной, внесло разности въ бытіе вещей по разности выраженной въ нихъ особой идеи. Можно сказать, что форма даетъ въ обширномъ смыслѣ и бытіе вещи, но въ тѣснѣйшемъ и точнѣйшемъ смыслѣ, форма даетъ собственно разность бытію вещей. Объясненіе и доказательство этому теперь предъ нами на лицо въ церковно-славянской грамотѣ.

Извѣстно, что еще при жизни своей святые равноапостольные Меѳодій и Кириллъ должны были выдерживать борьбу съ такъ называемою тріязычною ересью. Шла она изъ Рима, гдѣ утверждали, будто слово Божіе читать и службу Божію совершать можно только на трехъ древнихъ и священныхъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ; тогда какъ святые Меѳодій и Кириллъ исходили во всей своей дѣятельности изъ положенія, что во всякомъ языкѣ бояйся Бога и дѣлая правду приятенъ Ему есть, и на всякомъ языкѣ хвала Богу благоприятна Ему, почему и переложили слово Божіе на изобрѣтенную ими славянскую грамоту. Те-

перь не касаясь другихъ народовъ, сообразите, что Славяне были оди́нь родъ. Единокровные между собою западные и восточные Славяне пріяли единое христіанство и единое слово Божіе въ единой святой библии. Между тѣмъ вышло, что тѣ Славяне, которые волею неволею подчинились вліянію тріязычной ереси и читали слово Божіе сперва только на латинскомъ языкѣ, начертанное латинскими литтерами, тѣ отлились въ особую отъ восточно-православнаго славянства историческую форму и выработали въ себѣ особый историческій духъ. Изъ таковыхъ одни Славяне дошли даже до забвенія своего роднаго языка и своего несомнѣнно славянскаго происхожденія, которое только ихъ ученые признаютъ по безспорнымъ историческимъ памятникамъ, тогда какъ всѣ прочіе соплеменники ихъ совсѣмъ чуждаются своего славянскаго корня. Впрочемъ для насъ это еще менѣе несчастное явленіе. Бѣдственнѣе для насъ то, что другіе Славяне, читая слово Божіе по латыни, а не на родномъ языкѣ, котораго однакоже не забыли, не на особой славянской грамотѣ, которой не пріяли,—эти стали злѣйшими врагами славянства восточно-православнаго, по крайней мѣрѣ, въ пунктахъ сосѣдскаго соприкосновенія. И сколько потоковъ славянской крови пролито отъ этой братоубійственной вражды?! А гдѣ ея корень, гдѣ начало? Въ томъ, что наши по крови братья, наши братоненавистники по народному, не родному намъ духу, остались при словѣ Божіемъ, начертанномъ латинскими литтерами, тогда какъ приснопамятные равноапостольные Меодій и Кирилль переложили слово Божіе избрѣтенною ими же самими славянской азбукою. Посмотрите и подивитесь, отъ какой повидимому малой причины и какія громадныя послѣдствія произошли, происходят и конечно еще будутъ происходить въ другое тысячелѣтіе славянской исторіи! Сія особная малая

форма дала, дасть и будетъ давать особое бытіе великой вещи,—особое по всему духу и складу построение многовѣковой, прошедшей и настоящей и будущей, исторіи многомилліоннаго народа.

Не даромъ греческій царь Михаилъ въ грамотѣ къ князю моравскому Ростиславу назвалъ славянскую грамоту откровеніемъ Божиимъ, Божиимъ даромъ, честнѣйшимъ всякаго злата и сребра и каменія многоцѣннаго, утвержденіемъ родной намъ славянской рѣчи, истиннымъ путемъ, ведущимъ въ Божій разумъ, въ разумъ истины Божіей. Да, это малое по виду, но нецѣнимо великое по плодамъ откровеніе Божіе, испрошенное у Бога молитвою и заслуженное подвигами праведности,—церковно-славянская грамота,—оно ввело насъ въ разумъ истины Божіей, оно утвердило нашу родную рѣчь; оно выработало историческій типъ православнаго славянина и православнаго русскаго. братьевъ не только по плоти, но и по духу; оно даровало православному славянству историческую личность, какъ великому самобытному народу, тогда какъ латинское начертаніе библии съ однихъ Славянъ по крови уже стерло историческую личную особность, а съ другихъ стираетъ, дѣлая сихъ послѣднихъ межеумками между не-славянскими народностями и болѣе или менѣ чуждыми, а нерѣдко и глубоко враждебными коренному православному славянству. Слишкомъ ощутительно и то грустное явленіе, что даже русскіе люди, которые растутъ и живутъ въ болѣе или менѣ полномъ отчужденіи отъ церковно-славянской грамоты, и тѣ мало по малу перерождаются въ полу-русскихъ, отходя мало по малу отъ доселѣшняго историческаго типа настоящаго кореннаго, православно-русскаго человѣка.

Пусть не толкуютъ, что и русскіе люди, какъ и Славяне православные, мало понимаютъ церковно-славянской

языкъ. Не можно, да и не нужно всё въ все понимать въ вѣрѣ. Никогда, на всемъ пространствѣ исторіи христіанства, никогда этого не было, чтобы всё и каждый все въ христіанствѣ понимали. Все въ вѣрѣ постигаетъ обще-церковный духъ, руководимый Духомъ Божиимъ. Церковно-славянская грамота—это колыбельная пѣсня, пѣсня молитвенная и утѣшительно поучительная, которою святая мать православнаго народа, какъ исторической личности, святая православная Христова церковь, упокоивала и наставительно возбуждала народное сознание. Пусть и дремало оно, наше народное сознание, но сладко и мирно ему опочивалось подъ этими святыми, мирными, кротко-наставительными звуками священнаго материнскаго говора. Потому то народное чувство такъ крѣпко и стоитъ за церковно-славянскую грамоту. А станеть ли ему мирнѣе и слаще житься, когда отчудять его всёмъ отъ церковно-славянской грамоты, это вопросъ... То даже не вопросъ, если бы когда либо случилось такое печальное событіе...

Надѣмся, что нынѣшнее рѣдкое и глубоко знаменательное торжество вразумить и озарить своимъ кроткимъ утѣшительнымъ свѣтомъ всёхъ русскихъ, какъ и всёхъ Славянъ православныхъ и даже неправославныхъ, внушая всёмъ намъ, что въ воспитаніи и укрѣпленіи нашего народнаго сознания нужно крѣпко держаться церковно-славянской грамоты; что церковно-славянская грамота есть первоначало пробужденія историческаго славянскаго самосознания, есть основаніе и утверждение нашей родной рѣчи, есть путь приводящій въ разумъ истины Божіей, есть Божіе откровеніе. Черезъ славянскую грамоту воплотилось для насъ Слово Божіе, просвѣщающее всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. И Слово Божіе вселилось въ насъ, и мы узрѣли славу единого Сына Божія, и въ томъ нашли для себя свѣтъ

и жизнь. И свѣтъ тогда засвѣтился для насъ, во тмѣ сѣдящихъ, и тма его не обяла тогда и до днесъ. Помоглимся усердно, чтобы и не обяла никогда во вѣки. Аминь.

(Херсон. Епарх. Вѣд. 1885 г. № 11).

Поученіе преосвященнаго Никанора, Епископа Херсонскаго и Одесскаго, на молебствіи послѣ годичнаго акта въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Бысте иногда тма, нынѣ-же вы свѣтъ о Господѣ. Яко-же чада свѣта, ходите (Еф. 5, 8—9).

Обыкновенно предлагаемое на благодарственныхъ молебствіяхъ, начинающееся возглашенными словами, чтеніе изъ св. апостола Павла (Еф. 5, 9—21) пригодно для всякихъ лицъ и обстоятельствъ. Пригодно и для васъ, дѣти-дѣвицы, особенно-же для выпускаемыхъ, для нынѣшняго дня, очень знаменательнаго въ вашей жизни. *Были вы некогда тма, нынѣ-же стали свѣтъ о Господѣ. Посему и ходите, яко-же чада свѣта.*

Теперь мнѣ, живущему на уединенномъ берегу моря, часто приходится глядѣть на маякъ и раздумывать о его устройствѣ и назначеніи. Вотъ обрывистый, мысомъ выдающійся, берегъ моря, самый пустынный пунктъ широкою дугою раскинувшейся окрестности. На немъ изъ-за невысокой ограды, среди небольшого садика и нѣсколькихъ низменныхъ зданій, одиноко высится громадная башня, съ довольно сложнымъ устройствомъ, особенно на верху. Тамъ въ башнѣ и на башнѣ отлично устроенныя лѣстницы, балконы, металлическіе и стеклян-

ные заковы; тамъ расположенные въ видѣ вогнутого зеркала ряды призматическихъ стеколъ самаго высокаго качества, содержимыхъ въ самой высокой чистотѣ. Внизу у подножія башни цѣлое особое зданіе наполнено машинными снарядами: тамъ паровая машина, колеса, нѣсколько электро-магнитовъ и т. д. При этихъ учрежденіяхъ состоятъ на службѣ нѣсколько человѣкъ, надзирателей и прислуги, при нихъ живутъ ихъ семейства. Одиноко и невесело ихъ положеніе, особенно въ долгую осень, въ мрачныя и бурныя зимнія ночи. Кромѣ ихъ самихъ они иногда не видятъ лица человѣческаго и голоса чужаго вокругъ себя не слышатъ; а уши ихъ оглашаются по-долгу свистомъ и завываніемъ бури, да заунывнымъ не смолкающимъ грохотомъ волнъ морскихъ, неустанно бьющихся въ пустынный изъ морскихъ береговъ. Когда глядишь на все это, часто набѣгаетъ мысль, для чего томятся здѣсь люди? Въ чемъ цѣль ихъ службы, въ чемъ задача всей ихъ унылой жизни? А вотъ въ чемъ. На самомъ верху башни среди всѣхъ этихъ закровъ, между множествомъ отражающихъ зеркалъ, въ самомъ центрѣ вставляется малый уголь. Этотъ уголекъ—цѣль ихъ жизни. Нужно, чтобъ этотъ уголекъ горѣлъ съ вечера и сгоралъ къ утру. Только въ этомъ вся задача ихъ служенія обществу, чтобъ горѣлъ и свѣтилъ,—только всего.

Не приходитъ-ли вамъ на мысль, что ваше какъ и всякое воспитательно-учебное заведеніе, похоже на этотъ маякъ? Что ваши воспитатели похожи на служащихъ при маякѣ, которые живутъ для того, чтобъ возжигать и поддерживать свѣтъ? А вы, воспитанницы, на кого, на что похожи? На тотъ темный стерженецъ, на которомъ возжигается и горитъ такой яркій, такой ослѣпительный вблизи, такой тихій и прекрасный издали, такой чистый и радужный, такой привлекательный среди

мглы ночной и отрадный среди мглистой бури свѣтъ. Горитъ темный, малый, извѣстнымъ образомъ обдѣланный заостренный уголекъ; съ вечера до утра, въ продолженіи ночи, онъ долженъ сгорѣть до тла, — дѣло такое простое и смиренное, доля угля сама въ себѣ для него самого не блестяща, но какъ благотворно его горѣніе! Какое необозримое пространство проникается его свѣтомъ! Сколько тысячъ пловцовъ опредѣляютъ имъ свое направленіе? Какіе великіе многоцѣнные интересы зависятъ отъ того, чтобъ онъ не потухъ? Сколько сердецъ бьются покойно надъ морскою бездною среди тьмы ночной, когда онъ мирно и ровно свѣтитъ? А какимъ мрачнымъ чувствомъ сжались-бы эти сердца, еслибъ онъ да померкъ среди ночной морской бури, когда корабль несется вѣтромъ и волнами неудержимо, не слушаясь якоря, невѣдомо куда? А когда онъ невозмутимо — мирно свѣтитъ съ своего недвижнаго берега, съ высокой башни, какъ путеводная звѣзда съ неба, о! какой отрадой и надеждой должны отражаться переливы его тихихъ лучей на тревожныхъ сердцахъ, когда его свѣтъ и озаряетъ безопасный путь и обѣщаетъ близость мирной пристани?! Пусть уголекъ къ утру сторитъ и превратится въ прахъ. Такова его доля. Свое онъ прожилъ. Такова доля всего привременнаго. Но онъ свѣтилъ человѣчеству, исполнилъ одно изъ лучшихъ назначеній.

Тако да просвѣтитесь и вашъ свѣтъ предъ челоуѣками. Не обижайтесь сравненіемъ съ углемъ. Земля еси и въ землю отыдеши. Наше тѣло — и буквально уголь, и буквально горитъ и сгораетъ. Самая смерть — только усиленное сгораніе, почему на кладбищахъ надъ могилами и появляются огни. Но надо, чтобъ мы не только горѣли и сгорали, а и свѣтили. И задача нашего горѣнія и свѣтенія гораздо сложнѣе и глубже горѣнія и свѣтенія маячнаго огня.

Земля и пепель, уголь и мракъ по природѣ, вотъ вы теперь стали свѣтомъ. Наэлектризованы вы здѣсь свѣтомъ просвѣщенія. Каждую изъ васъ теперь судьба поставитъ на извѣстный, болѣе или менѣе высокій, свѣточъ. Возвышаясь своимъ образованіемъ и положеніемъ надъ многими другими, вы будете стоять на извѣстной высотѣ, на васъ будутъ смотрѣть, отъ васъ учиться, вамъ подражать другіе, по вашему свѣтенію опредѣлять свое жизненное теченіе. Горите же и свѣтите на свѣщникъ, на который поставитъ васъ Богъ. Освѣщайте окружающую васъ окрестность. Вѣдайте, однакоже, что можно горѣть разными огнями, свѣтить разными свѣтами. Не мудрствуя пространно, даемъ вамъ напутственный въ жизни совѣтъ: горите извѣданно святымъ огнемъ Христовымъ, свѣтите извѣданно спасительнымъ свѣтомъ Христовымъ. Этого ждуть отъ васъ Царь и общество, это внушаютъ вамъ въ напутствіе вашей жизни св. апостолъ Христовъ и святая Христова церковь.

Ходите, поступайте, какъ чада, какъ питомцы и носители свѣта Христова, свѣта духовнаго, въ благодѣтели христіанской, въ сдержанной мягкости и кротости сердца, въ милосердіи и благотворительности. Дѣла благотворительности—прекраснѣйшее занятіе образованной, выдающейся по положенію женщины; смягчать жесткія сердца собственною кротостію и благодію—естественное призваніе женщины. Ходите въ правдѣ и праведности христіанской, чтобы люди, видя ваше праведное женственное житіе самымъ житіемъ вашимъ безъ слова плѣняемы были въ послушаніе Христово. Помните, что женщина—христіанка, искони въ продолженіи многихъ вѣковъ до послѣднихъ печальныхъ дней, служила самымъ охранительнымъ началомъ христіанскаго благочестія, служила молча, не учительствуя, не проповѣдуя, а только храня тайну христіанскаго благочестія въ тайникѣ своего

сердца. Помните, что благотворная сила женственного вліянія больше въ теплотѣ сердца, чѣмъ въ устахъ, больше въ сосредоточенномъ молчаніи, чѣмъ въ говорливомъ учительствѣ. Ходите въ истинѣ Христовой, не вляясь всякимъ вѣтромъ разныхъ ученій, которыхъ нынѣ такъ много расплодилось, во лжи человѣческой. Испытайте въ окружающихъ васъ обстоятельствахъ и въ вызываемыхъ ими вашихъ дѣйствіяхъ, въ чемъ состоитъ воля Божія, какъ тутъ надо поступить по закону Христову, и меньше будете дѣлать въ жизни ложныхъ шаговъ. Какъ чада свѣта, не приобщайтесь дѣламъ и замысламъ темнымъ, отрѣвайте ихъ отъ себя вашимъ чистымъ сердцемъ; а когда нужно, и обличайте, обличайте ихъ просто свѣтомъ вашего поведенія, безъ рѣзкихъ словъ, которыя плодятъ раздраженіе, которыя не всегда и нужны, такъ какъ отъ одного свѣта вашей чистоты далеко отъ васъ побѣжить всякій мракъ. Храните чистоту сердца, потому что на ней, на сердечной чистотѣ, ярче и благотворнѣе отражается свѣтъ ума. Посмотрите, какъ заботливо вокругъ маячнаго огня очищаютъ отъ малѣйшаго сора и пятнышка прозрачность преломляющихъ и отражающихъ зеркальныхъ призмъ. А то теперь свѣтъ умственного развитія весьма часто сопрягается съ нечистотою сердца, причемъ и свѣтъ ума тускнеть, а главное—освѣщаетъ пути жизни ложнымъ мерцаніемъ и наводитъ на подводные камни, трагедіи и катастрофы, которыя такъ размножились теперь повсюду, сверху до низу. Не будьте мертвы, бездѣятельны, праздно; работайте во свѣтѣ Христовомъ на пользу человечества, зарабатывайте свой хлѣбъ служеніемъ обществу, семьѣ, страждущимъ, нуждающимся, непросвѣщеннымъ, сѣдящимъ во тьмѣ. Прошло то время, когда вамъ подобныя выходили въ свѣтъ, чтобы только порхать въ немъ радужными легкокрылыми бабочками, а послѣ порханія покоиться въ довольствѣ,

доставляемомъ чужимъ денно-нощнымъ трудомъ. Нынѣ, кто не трудится, ниже да ясть.—Блюдите, како опасно ходите, не яко же немудрыя, но яко премудрыя, испукая время, яко дни лукавы, уходятъ быстро и уносятъ съ собою свой миражи и обольщенія; украшайте весну вашей жизни благимъ цвѣтеніемъ и плодоприношеніемъ добродѣтели, чтобъ и старость ваша была честна, и кончина живота мирна и непостыдна, памятуя всегда, особенно же смолоду, что сегодня что цвѣтетъ и благоухаетъ, то завтра вянетъ и гніетъ; что не блекнетъ, на противъ вѣчно юнѣетъ, только красота души. Исполняйтесь посему духомъ, духомъ Христовымъ, не забывая Бога и вѣры, Христа и св. церкви Его, не оставляя духовныхъ христіанскихъ упражненій, хожденія въ Божій храмъ, участія въ богослуженіяхъ, молитвы, соблюденія уставовъ церковныхъ, вѣдая и памятуя, что все это наполняло глубокимъ миромъ и высокою поэзіею всю жизнь еще недавнихъ и давнихъ вашихъ предшественницъ, вашихъ матерей, бабокъ и прабабокъ, что можетъ крѣпко пригодиться и вамъ самимъ, и въ жизни, особенно въ часы невзгоды, и въ страшный часъ смерти.

Вы теперь вступаете въ жизнь, въ моментъ повидимому благопріятнаго поворота въ общественномъ духѣ, когда свирѣпыя душевныя бури лжеученій и погубительныхъ порывовъ, вырывавшія въ истекшія три десятилітія многое съ корнемъ, разбивавшія все безпощадно, къ послѣднимъ днямъ поулеглись. Не безвинны въ пережитыхъ катастрофахъ и вашъ полъ. Многія и изъ женщинъ именно полу-просвѣщенныя, гонимыя всеувлекающимъ вѣтромъ моднаго суемудрія, носились по всколебавшемуся морю русской жизни блудячими помергающими огнями, наводя на гибель другихъ, потухая въ бурныхъ волнахъ сами, вмѣсто того, чтобы горѣть свѣтомъ спасительнаго маяка на неподвижномъ берегу мор-

скомъ у надежной пристани, горѣть мѣрно и мирно свѣтомъ тихаго семейнаго очага, свѣтомъ обще-человѣческихъ преданій и святоотеческихъ уставовъ, — свѣтомъ озаряющимъ извѣданный путь, по которому шли поколѣнія нашихъ отцовъ къ извѣданному обще-человѣческому счастью. Переживъ грозную, бурную эпоху, мы, наше поколѣніе вашихъ отцовъ и матерей, уже отживаемъ. Настаетъ ваша чередъ жить и продолжать нашу жизнь, чередъ горѣть и свѣтить. Горите же и свѣтите стойче и мирнѣе, ярче и чище насъ. Христе, свѣте тихій и истинный, просвѣщай всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, да знаменуется на дѣтяхъ сихъ, грядущихъ въ міръ, свѣтъ лица твоего, да въ немъ выну видятъ прямой путь жизни, ведущій къ счастью земному и небесному, и тамъ на небѣ въ уреченный часъ узрять свѣтъ твой неприступный, за молитвы своихъ родителей и блаженныхъ прелковъ, церкви земной и небесной. Аминь.

(Херсон. Епарх. Вѣд. 1885 г. № 12).

Нѣсколько словъ о томъ, съ какаго чтенія — церковно-славянской, или русской гражданской печати — нужно начинать обученіе грамотѣ въ русскихъ сельскихъ школахъ.

Сельскія школы въ Россіи обязаны оживить и возростить религіозно-нравственныя потребности народа, развить ихъ до полноты и живости чувства, возвысить до крѣпости и стойкости убѣжденія и оградить отъ модныхъ возрѣній маловѣрія и вольнодумства. Такой взглядъ на задачи обученія въ русскихъ сельскихъ школахъ весьма естественъ въ русскихъ православно-христианскихъ законодателяхъ. Наши законодатели, какъ православные, слѣдуютъ въ вопросѣ объ обученіи дѣтей вы-

сокимъ и священнымъ образамъ христіанской древности. Родители и воспитатели христіанской древности, обучая дѣтей грамотѣ, спѣшили обогатить умъ ихъ душеспасительными познаніями и для этого прежде всего приучали ихъ къ чтенію книгъ св. Писанія, побуждая дѣтей читать эти книги съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ (см. письма блаж. Иеронима къ Летѣ о воспитаніи дочери ея Павлы, жизнь св. Григорія Богослова въ «Душеп. Чтеніи» за 1864 г. и письма св. Василия Великаго). Такъ поступали древніе христіане при домашнемъ обученіи своихъ дѣтей; тотъ же характеръ стремились они придать и школьному обученію: въ огласительныхъ училищахъ вѣрующіе научались предварительно общимъ и главнымъ истинамъ христіанства и правиламъ нравственности. И наша сельская школа, по мысли нашего правительства, должна быть такимъ же огласительнымъ училищемъ, т. е. приготовить дѣтей къ пониманію и сознательному усвоенію того, чему учитъ св. церковь.

Такой же взглядъ на школу и ея обученіе сложился и у нашего простолюдина и сложился, можно сказать, всею его вѣковою жизнію. Приведемъ себѣ на память школы до-петровскія, господствующій характеръ которыхъ былъ церковный *). Со времени Петра В. высшіе и средніе классы общества стали усвоить себѣ свѣтское образованіе; простой же народъ остался и доселѣ остается при прежнихъ возрѣніяхъ на школьное ученіе. Вся жизнь русскаго простолюдина сосредоточивается въ сферѣ церковности; религія и богослуженіе—единственная почти область, гдѣ проявляется духовная его дѣятельность, находя для себя пищу и формы для своего выраженія **). Съдая старина имѣла и другія формы выраженія духов-

*) См. «Ист. Рус. Слов.» Порфирьева, Казань 1879 г.

**) См. «Замѣтки о сельскихъ школахъ» Рачинскаго, 94 стр.

ной дѣятельности русскаго простолюдина — народныя пѣсни, сказки; но теперь эти отголоски иной вѣры и инаго міросозерцанія почти заглохли и угасли въ народѣ. Имъ нужны чуткій слухъ художника и зоркій глазъ ученаго, чтобы уловить ихъ. Мѣсто этой могучей въ свое время поэзіи заняла теперь для народа священная поэзія церковно-богослужебныхъ книгъ. Съ языкомъ церковнымъ, съ языкомъ богослужебныхъ книгъ, неразрывно связываются у крестьянина всѣ тѣ ощущенія, все то настроеніе, которыя сообщаются русскому человѣку церковнымъ богослуженіемъ. Отсюда простолюдинъ нашъ желаетъ, чтобы и школа научила его сына или дочь искусству церковнаго чтенія и пѣнія, а на самую грамотность онъ смотритъ, какъ на дѣло священника! Книжная мудрость, по народному словоупотребленію, почти равнозначаща богословію; начетчикъ означаетъ человѣка, изучившаго много книгъ священныхъ.

Любовь и довѣріе нашего простолюдина только къ церковно-славянской грамотѣ слишкомъ глубоко коренятся въ душѣ его. Причины его тяготѣнія къ церковно-славянской грамотѣ, конечно, не случайныя; онѣ кроются въ томъ, что въ ней, въ церковно-славянской только грамотѣ, находитъ русскій крестьянинъ источникъ и средство къ пріобрѣтенію дорогаго для его сердца знанія, которое онъ считаетъ верхомъ книжнаго образованія, въ томъ, что въ ней, церковно-славянской грамотѣ, видитъ русскій крестьянинъ единственное почти средство къ удовлетворенію эстетическихъ своихъ потребностей. Гдѣ просвѣтъ для души крестьянина среди тягостнаго однообразія его трудовой жизни? Гдѣ отзывъ на тѣ стремленія, которыя лежатъ въ глубинѣ его души? Въ церковномъ праздникѣ, отвѣтимъ словами знатока народной школы и народной жизни С. А. Рачинскаго, въ церковномъ праздникѣ, приносящемъ крестьянину от-

голосокъ дивнаго древняго напѣва; въ баснословномъ, но согрѣтомъ вѣрою, разказѣ темнаго странника; въ долго откладываемомъ, но наконецъ удавшемся эзоподѣ въ дальній монастырь, гдѣ его молитва обрѣтаетъ достойныя ея звуки и укрѣпляющую обстановку; наконецъ, все чаще и чаще нынѣ—въ долгихъ чтеніяхъ, при свѣтѣ лучины, въ безконечные зимніе вечера, священнаго Писанія или житій святыхъ, и при томъ не на русскомъ, добавимъ отъ себя, а на церковно-славянскомъ языкѣ.

Въ церковно-славянской же грамотѣ русскій крестьянинъ видитъ ту силу, которая объединяетъ его со всѣми соотечественниками на всѣхъ концахъ обширнаго отечества. Широка и необъятна святая матушка Русь, великъ числомъ и разнообразіемъ населяющій ее народъ, что городъ—то норовъ, что деревня—то повѣрье. И эта пестрота, это разнообразіе прежде всего въ языкѣ Россіи. Родная рѣчь, родной языкъ, принятый въ одномъ мѣстѣ, до того видоизмѣняется въ другомъ, что становится совершенно неузнаваемымъ. Приходитъ поселянинъ изъ одного края Россіи въ другой, слышитъ, повидимому, свою родную рѣчь и не понимаетъ ее; но вотъ онъ входитъ въ святой храмъ, и онъ слышитъ тѣ дорогіе звуки, къ которымъ съ младенчества привыкъ у себя дома, и, чуждый всѣмъ предстоящимъ въ храмѣ по мѣсту жительства, по языку богослуженія онъ чувствуетъ себя своимъ между ними. Въ церковно-славянской грамотѣ заключается для русскаго крестьянина та живительная сила, которая будитъ, развиваетъ и укрѣпляетъ въ немъ чувство народнаго единства, языкъ славянскій—это святой для всего русскаго народа языкъ, о которомъ одинъ вдохновенный писатель сказалъ: *дваци змоннозрелъ авъ отъзвонъ* «На *немъ* мы прославляемъ Бога; *койшъ кондоу то унннъ* *Имъ* братья мы земли родной,

И у послѣдняго порога — «*говори отъ себя*». На *немъ* прощаемся съ землей». Послѣ всего сказаннаго, думаемъ, ясно, какая грамота нужна нашему простолюдину прежде всего и съ какой грамоты нужно начинать его обученіе въ школѣ. Намъ могутъ возразить, что крестьяне говорятъ не церковно-славянскимъ языкомъ и что съ точки зрѣнія дидактики просто преступленіе — начинать обученіе грамотѣ съ языка, неупотребляемаго въ просторѣчьи. Мы соглашаемся, что въ преимущественномъ употребленіи простолюдиновъ не тотъ языкъ, который мы называемъ церковно-славянскимъ, но вѣдь онъ и не тотъ, которому хотятъ обучать въ сельскихъ школахъ по принятымъ у насъ книжкамъ Водовозова, Паульсона и мног. другихъ. Стоитъ взять въ руки «Толковый словарь» Даля, чтобы видѣть, какое множество особенныхъ названій попадаетъ въ глухихъ мѣстахъ разныхъ губерній и уѣздовъ нашего обширнаго отечества для обозначенія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ. Этихъ названій не встрѣтитъ ни въ одной изъ учебныхъ книжекъ, съ которыхъ у насъ рекомендуютъ начинать обученіе грамотѣ въ сельскихъ школахъ. Не говоримъ уже о поразительномъ разнообразіи нарѣчій и говоровъ, отличіе которыхъ отъ русскаго школьнаго языка не остается безъ видимыхъ послѣдствій въ дѣлѣ усвоенія грамотности. Эти послѣдствія очевидны для всякаго, кто не желаетъ намѣренно закрывать глаза передъ существующими фактами. А факты говорятъ вотъ что: (пройдетъ учебный годъ и русскій сельскій школьникъ едва бредеть, разбирая первыя страницы учебной книжки; выходитъ онъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, изъ школы и не можетъ съ пониманіемъ читать даже книжекъ Максимова. Еще хуже того: проживеть школьникъ годъ или два внѣ школы и увы! для него нужны повторительныя школы.

Послѣ этого позволительно спросить: съ точки зрѣнія дидактики не будетъ ли преступленіемъ начинать обученіе грамотѣ въ сельскихъ русскихъ школахъ съ чтенія гражданской печати по принятымъ книжкамъ Водовозова, Паульсона и другихъ? Языкъ этихъ книжекъ совершенно не тотъ, на какомъ говоритъ нашъ простолюдинъ, это языкъ, котораго народъ нашъ, кромѣ школы, нигдѣ не слышитъ. И не будетъ ли болѣе цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія той же дидактики начинать обученіе грамотѣ въ русскихъ сельскихъ школахъ съ языка церковно-славянскаго? Этотъ языкъ крестьянинъ нашъ слышитъ уже и до школы и послѣ школы во всю свою жизнь, слышитъ его въ храмахъ, и въ деревнѣ, и въ городѣ; мало того: этимъ языкомъ, во множествѣ словъ, онъ пользуется даже и въ обыкновенномъ своемъ житейскомъ словоупотребленіи *).

Церковно-славянскій языкъ, какъ болѣе извѣстный русскому крестьянскому ребенку, чѣмъ принятый теперь въ школахъ книжный языкъ гражданской печати, болѣе чѣмъ этотъ послѣдній, удобенъ и для начального знакомства съ грамотою: 1) самое чтеніе на церковно-славянскомъ языкѣ несравненно легче, чѣмъ на русскомъ: произношеніе здѣсь вполне соответствуетъ правописанію, указывается удареніемъ надъ каждымъ отдѣльнымъ словомъ, и учителю нѣтъ надобности дѣлать надъ словами значки удареній, какъ это рекомендуетъ Паульсонъ **), или выписывать слова, которыя читаются совсѣмъ не такъ, какъ пишутся, или печатаются ***); 2) письмо

*) Объемъ статьи не позволяетъ намъ выписывать такіа слова; желающіе найдутъ ихъ множество во всѣхъ 4 том. «Толк. слов. живаго великор. яз.» В. Даля.

**) См. «Введеніе къ дидактич. руков.» Паульсона, для обученія по «Второй учебной книжкѣ» его же.

***) См. «Курсъ дидактики» Тихомирова, стр. 263.

славянскимъ уставомъ*), и тѣмъ самымъ уставомъ, какъ пишутъ наши самоучки грамоты, много легче, чѣмъ письмо курсивомъ, или срисовываніе буквъ гражданской печати: очертаніе буквъ, какъ писанныхъ, такъ и печатныхъ, здѣсь одно и то же, и ребенку нѣтъ никакой надобности двоиться въ представленіи письменнаго и печатнаго знака извѣстнаго звука, какъ это бываетъ съ ребенкомъ при изученіи, напримѣръ, буквы *a* въ гражданской печати и знакъ письмъ. Неправильности, неизбѣжныя при всякомъ писаніи буквъ въ начальномъ обученіи, тутъ (при письмѣ славянскимъ уставомъ) не отражаются на курсивѣ, къ которому учащіеся приступаютъ гораздо позже, утвердивъ свою руку на писаніи палокъ и другихъ элементовъ буквъ; 3) приложеніе къ обученію славянской грамоты способа совмѣстнаго обученія чтенію и письму на языкѣ славянскомъ гораздо удобнѣе, чѣмъ примѣненіе этого способа къ начальному обученію грамоты по гражданской печати: совершенное сходство писанныхъ славянскихъ буквъ съ печатнымъ начертаніемъ ихъ тутъ дѣлаетъ изъ письма дѣйствительное подспорье чтенію; 4) примѣненіе пѣнія, какъ средства, къ начальному обученію грамоты церковно-славянской несравненно удобнѣе, чѣмъ къ начальному обученію грамоты по гражданской печати: каждую молитву, какую разучиваетъ ребенокъ, онъ уже слыхалъ, какъ поютъ ее въ церкви, и самъ, разумѣется, подъ руководствомъ учителя можетъ пѣть ее; 5) въ церковно-славянскомъ текстѣ и логическое построеніе, пониманіе плана статьи, для сознанія ребенка гораздо осязательнѣе, нежели въ текстѣ статей гражданской печати. Построеніе рѣчи въ языкѣ священно-библейскомъ гораздо ближе

*) Образчики такого письма см. въ «Курсѣ истор. рус. лит.» Полевскаго.

подходить къ складу народной русской рѣчи, чѣмъ построение рѣчи въ статьяхъ школьных книжекъ гражданской печати, и потому гораздо легче для пониманія русскихъ крестьянскихъ школьниковъ, чѣмъ послѣднее; (6) переходъ отъ церковной азбуки къ гражданской совершается съ поразительной легкостію и быстротою, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ наши опыты С. Ад. Рачинскаго*).

Въ заключеніе выскажемъ наше искреннее пожеланіе, чтобы церковно-славянская грамота заняла въ русской сельской школѣ подобающее ей мѣсто! Церковно-славянской языкъ нашего богослуженія знакомъ ребенку русскаго простолюдина еще до поступленія его въ школу; уже въ этомъ раннемъ возрастѣ слухъ его пласкается, такъ сказать, пріятными для него звуками священной поэзіи церковно-богослужебныхъ книгъ и совершенно простыми, но столь же пріятными мелодіями доступныхъ его чувству благоговѣнно исполняемыхъ церковныхъ пѣснопѣній. Въ видахъ церковно-религіознаго воспитанія дѣтей, пусть въ первомъ шагѣ ихъ въ обученіи грамотѣ будетъ чтеніемъ на церковно-славянскомъ языкѣ тѣхъ несложныхъ, но живительно дѣйствующихъ на душу ребенка молитвъ и краткихъ церковныхъ пѣснопѣній, которыя онъ охотно затверживалъ со словъ простой старушки бабушки!

А. Вышеславцевъ.

(Церк. Вѣст. 1885 г. № 4).

*) См. его «Замѣтки о сельскихъ школахъ», 94 стр.

О ВЪ Я В Л Е Н І Е.

С И Н О Д А Л Ы Ы Е К Н И Г И,

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ
и С.-Петербургѣ,

(въ Москвѣ въ здании синодальной типографіи, въ
С. Петербургѣ въ здании Св. Синода)

И М Ъ Ю Т С Я В Ъ П Р О Д А Ж Ъ С Л Ъ Д У Ю Щ І Я К Н И Г И:

РУБ. КОП.

Алфавитъ духовный, пер. печ. въ бум. — 30

гражд. п. въ бум. — 30

Книга сія, содержащая краткія наставленія о вѣрѣ и нравственности христіанина, принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ въ средѣ любителей духовно-нравственнаго чтенія какъ въ настоящемъ полномъ ея составѣ, такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ. Заключительная статья «Алфавита духовнаго»: «Пять стихословій рачительнаго къ Богу |вопіенія», составляетъ особенно замѣчательный образецъ молитвеннаго обращенія человѣка къ Богу или благоговѣйнаго съ нимъ собесѣдованія.

Отдѣльныя брошюры изъ сей книги: гр. печ.
въ 16 д. л. въ бум. кореш.

Духовный алфавитъ. О еже тою единомъ
Господь радоватися подобаетъ, а не о тѣн-

ныхъ міра сего вещахъ. — 2

О еже всегда каятися и плакати о согрѣшеніяхъ своихъ въ юдоли сей плачевнѣй. О еже блюстися смѣха, празднословія же и кощунствъ. — 2

О еже не зѣло скорбѣти въ скорбныхъ. О еже не сребролюбствовати, но на Бога точию единого имѣти упованіе. — 2

О еже не гордиться ни единою вещію въ вѣцѣхъ семъ. О еже блюстися во всѣхъ вещехъ суетнаго велехваленія. — 2

О еже не гнѣваться и не памятозлобствовати ни на кого, же. О еже не завидѣти кому ни во единой вещи сего міра. О еже предпочитати постъ и имѣти во всемъ воздержаніе. — 2

О еже не уязвлятися лицами и не порабощатися похотию плотскою. О еже памятовати всегда смерть и не прелъщатися тлѣнными сего міра вещьми. О еже не осуждати кого инаго, но паче своя зрѣти злая. — 2

Цвѣты изъ сада св. Ефрема Сирина, гр. п. въ бум. — 6

(краткія назиданія христіанину, заключающіяся въ 39 небольшихъ извлеченійхъ изъ твореній св. Ефрема).

СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣлъ **официальный.**—Правительственныя постановленія и распоряженія.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Отдѣлъ **неофициальный.**—Бесѣда и Поученіе Пресвященнаго Никанора, Епископа Херсонскаго и Одесскаго.—Объявленіе.

Редакторъ, смотритель духовнаго училища Иванъ Любимовъ.

Печатать дозволяется. Уфа, 15 августа 1885 г.

Цензоръ Каеедральный Протоіерей Павелъ Желателевъ.

Губернская Типографія.